

фантастическій разсказъ Д. МИДОСА.

Переводь съ английскаго.

ВОЙНА? - сказалъ старый Грейстонъ и добродушно улыбнулся. — Войны не будетъ. Я остановлю ее.

Журналистъ Карнеби сидълъ противъ этого страннаго старика, въ его большомъ уединенномъ домъ. Услыхавъ такое необыкновенное заявленіе, молодой представитель прессы педовърчиво покачалъ головой, хота хорошо зналъ Грейстона, зналъ также, что этотъ человыкъ не способенъ на пустое хвастовство или на неумъстныя шутки. И безсознательный голосъ профессіональнаго инстинкта тотчасъ же подсказалъ ему, что передъ нимъ открывается возможность написать блестящую статью.

Карнеби переживаль эпоху горькихъ разочарованій. Еще очень недавно онъ воображаль, что война, назр'ввавшая между Франціей и Германіей, поможеть ему пріобр'всти изв'встность, занять хорошее положеніе и, значить, пакопець, жениться на горячо любимой имъ миссъ Еленъ.

По недостаточно хорошо работать, чтобы добиться славы. Нуженъ счастливый случай, такъ какъ редакторы судятъ о сотрудникахъ по результатамъ, а все послъднее время Карнеби не попадалось темъ для хорошихъ статей.

Редакторы газетъ потеряли въ него въру; поэтому, когда война подошла совсъмъ близко, и спеціальные корреспонденты помчались въ арміи, Карнеби остался, такъ сказать, за флагомъ Сладкія мечты объ Еленъ отошли да леко.

Въ этотъ вечеръ онъ вышелъ изъ редакціи газеты "Депеша", слегка согнувъ свои широкія плечи. На улицъ Карнеби столкнулся съ Грейстономъ

Прекурьезный старикь быль этоть Грейстонь! Его лицо окаймляли съдыя бакенбарды, глаза всегда закрывали золотыя очки. Онъ носиль ужасныя шляпы, невозможный костюмъ и въчно улыбался широкой, сіяющей, доброй улыбкой.

Все свое время Грейстонъ употреолялъ на разнородныя изобрътенія въ области динамо-механики и съ помощью своихъ анпаратовъ совершаль удивительныя вещи; къ несчастію, всъ его приборы стоили до того дорого, что никто не ръшался примънять ихъ.

Это не смущало Грейстона. Онъ быль очень богать, владъль громаднымь загороднымь домомъ п посвятиль себя изобрътеніямь "изъ любви къ искусству", совершенно не заботясь о выгодахъ

Зоркіе, живые глаза старика тотчасъ же зам'ятили опущенную голову Карнеби, и на лиц'я стараго челов'яка заиграла самая добрая улыбка.

— Вы свободны? — тактично спросилъ онъ. — Очень радъ; пойдемте со мной, я угощу васъ виски и сигарой.

- Боже мой, что вы хотите сказать? спросиль Карнеби. Теперь уже никто не можеть задержать войну. Завтра въ шесть часовъ утра окончится срокъ германскаго ультиматума. Объ арміи подошли къ границамъ. А флоть? Эскадра германскаго адмирала идетъ вдоль голландскаго берега. Средиземный французскій флотъ, я полагаю, теперь уже миновалъ Шербургъ. Черезъ три часа произойдетъ первое столкновеніе.
- На разсвътъ я остановлю ихъ,— спокойно сказалъ Грейстонъ, точно говоря о томъ, что онъ поспъетъ на по- вздъ. Вы отправитесь со мною, увидите, какъ это будетъ сдълано, и напишете поразительную статью для вашей газеты, такую статью, какой еще пикогда не писалъ ни одинъ журналистъ.

Онъ снова улыбнулся, замътивъ искры, мелькнувшія въ глазахъ Карнеби,

— Пойдемте же, — поднимаясь съ кресла, прибавиль старикъ.

Грейстонъ подошелъ къ шкафу, вынулъ изъ него два тяжелыхъ пальто на кожаной подкладкъ и съ капюшонами, а также двъ пары очковъ для летчиковъ. Одно пальто и одни очки онъ подалъ журналисту и сталъ одъваться въ другое.

Когда оба были готовы, старикъ направился въ садъ; Карнеби шелъ за инмъ, молчаливый и все еще недовърчивый, по, переступивъ черезъ порогъ комнаты, невольно вскрикнулъ.

На широкомъ лужкъ, разстилавшемся позади стараго дома, покачивались на канатахъ два дирижабля. Въ полусумракъ Карнеби могъ разглядъть темныя человъческія фигуры, которыя расхаживали около помъщеній для авіаторовъ. — Двъ моихъ игрушечки, — объяснилъ Грейстонъ, указавъ рукой на цилиндрические, наполненные газомъ мъшки.

Карнеби ущипнуль свою руку, желая доказать себь, что онь не грезить во снь.

Но все было реально. Закутанный Грейстоиъ жестомъ предложилъ Карнеби войти въ открытый вагонъ ближайшаго воздушнаго корабля.

Оба съли. Механикъ пустилъ машину. Канаты сняли.

Пропеллеры зажужжали, загудѣли, потомъ перешли въ оглушающій гулъ, и Карнеби, смотрѣвшему черезъ бортъ, показалось, что земля внезапно ушла внизъ.

Онъ выпрямился и оглядълся. Слъва отъ него слышался трескъ пропеллера второго дирижабля, хотя самый воздушный корабль скрывался въ темнотъ. Позади журналиста, на концъ платформы "вагона", рисовались четыре человъка; они хлопотали надъ какимъто таинственнымъ, гудъвшимъ аппаратомъ. Передъ Карнеби помъщался пилотъ, котерый спокойно наблюдалъ за своимъ компасомъ, положивъ руки на руль и поглядывая на освъщенную карту, бъжавшую передъ нимъ, разматываясь на роликахъ.

А рядомъ съ молодымъ журналистомъ сидълъ Грейстонъ, и къ добродушному выраженію его улыбки на этотъ разъ примъшивался оттънокъ ликованія.

- По дорогь,—неожиданно сказаль онъ молодому человъку,—я объясню вамъ, что именно мы сдълаемъ. Вы сами, конечно, понимаете, что эту войну прямо необходимо остановить. Она недопустима. Въдь въ данномъ случаъ вопросъ касается не только Франціи и Германіи. Всъ великія свропейскія державы Россія, Австрія, Италія и Англія,—рано или поздно будутъ вовлечены въ войну. Только представьте себъ такую борьбу народовъ, Карнеби! Ужасно, ужасно.
- Но какъ же вы остановите войну? Они отказались отъ арбитража, и вы

безъ сомнънія, заставите ихъ прибъ-

гнуть къ третейскому суду.

— Пеправда ли, именно эта проблема ставила въ тупикъ государственныхъ людей многихъ стольтій? — перебилъ журналиста Грейстонъ. — Однако, слъдуетъ держать государства въ порядкъ, какъ приводятъ въ порядокъ отдъльныхъ людей.

— Я вижу, къ чему клонятся ваши желанія: вы мечтаете о міровой полиціи, которая не позволяла бы націямъ, въ случав нужды прибъгая даже къ силь, драться между собой, — задумчиво сказалъ Карнеби. — По въдь это же химера! Государства не согласятся на это; они слишкомъ завидуютъ

одно другому.

— Правда, произнесъ Грейстонъ. Существуетъ единственное средство разръшить задачу: управленіе полиціей міра должно находиться не въ рукахъ того или другого государства, а можетъ быть отдано частному лицу гражданину вселенной, вродъ меня, ръшившагося, во что бы то ни стало, предотвратить войну. И міровыхъ полицейскихъ слъдуетъ вооружить аппаратами, которые мъщали бы людямъ сражаться, по и сами не могли бы убивать людей. Пусть они будутъ чъмъ то въ родъ полицейскихъ жезловъ.

И онъ закричалъ:
— Телеграфистъ!

Темная фигура придвинулась.

- Пошлите депешу!

Телеграфистъ отодвинулъ въ сторопу пзогнутую крышку аппарата и сълъ, сжавъ большимъ, указательнымъ и третьимъ пальцами ключъ безпроволочнаго передаточнаго прибора.

— "Примъ" - "Секунду", — лаконически продиктовалъ Грейстонъ. — Оставъте берегъ подлъ Нью-Хевена. Паблюдакте за германскимъ флотомъ, между этимъ пунктомъ и Діеппомъ.

Передаточный приборъ защелкалъ. Перерывъ; черезъ нъсколько мгновеній телеграфистъ повернулся къ Грейстону.

— "Секундъ отвѣтилъ намъ "есть", сударь!

Трескъ пропеллеровъ второго дири-

жабля сталъ ослабъвать, и Карнеби понялъ, что "Секундъ" улетаетъ.

Надъ проливомъ запимался свътъ. Гребни сърыхъ волнъ поблескивали. Дирижабль висълъ падъ водой. Карнеби ощущалъ холодъ утренняго вътра; все молчало; слышалось только жужжаніе пронеллера.

Воть вдали показались абрисы большихъ военныхъ кораблей. Когда они вынырнули изъ тумана и вошли въ полосу свъта, можно было ясно раз смотръть полоски дыма надъ ихъ тру бами.

-- Французъ, — замътилъ Карнеби, приглядъвшись къ расположению дымовыхъ трубъ судовъ и къ формъ ихъ корпусовъ.

Посмотрите воть въ этоть бинокль, —предложилъ ему Грейстонъ.

 — Они приготовились къ сраженію, ръшилъ Карнеби, пристально глядя въ бинокль.

Миляхъ въ двадцати къ востоку отъ того мъста, надъ которымъ висълъ, держался "Примъ", горизонтъ загораживали германскія суда, невидимыя для французскаго флота, но вполнъ хорошо замътныя съ воздушнаго корабля.

— Посмотрите въ эту сторону, — сказалъ журналисту Грейстонъ, — не увидите ли вы "Секунда".

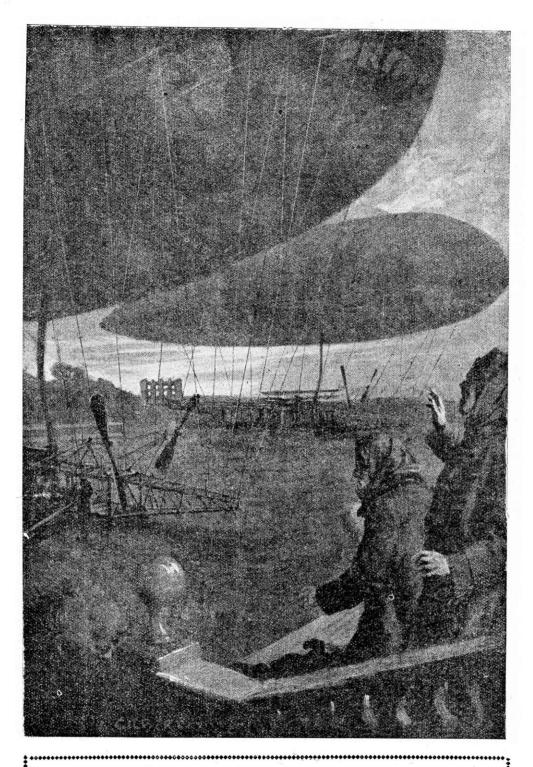
Карнеби различилъ маленькую точку въ небъ, какъ разъ надъ германскимъ флотомъ, и сказалъ объ этомъ старику.

— Отлично, — потирая руки, зам'тиль Грейстонь, — Торпъ расправится съ германцами. Торпъ славный малый и хорошій работникъ. Телеграфисть! — позваль снъ.

Тотъ моментально приготовился исполнить приказаніе своего начальника.

— Телеграфируйте слъдующее: "Глава всемірной полиціи адмиралу Ламоньеру: Вамъ запрещается напасть на германцевъ. Немедленно вернитесь въ Брестъ и бросьте якоря, въ противномъ случать васъ тотчасъ же лишать возможности дъйствовать".

Аппаратъ быстро заработалъ. Остановился. Послъдовала долгая пауза.

— Отвъта нътъ, сэръ, сказалъ те-

леграфистъ.

— Нътъ? Въроятно, онъ считаетъ меня сумасшедшимъ? Что же? Значитъ, намъ нужно принять мъры.

Грейстонъ поднялся съ мъста и прошелъ къ странному прибору, Карнеби бросился за нимъ и схватилъ его за

руку.

 Грейстонъ, — закричалъ молодой человъкъ. - Что вы собираетесь дълать? Неужели вы хладнокровно уничтожите этихъ несчастныхъ людей, которые васъ не слушаются?

Грейстонъ улыбнулся.

- Конечно, нътъ, мой милый. Моя игрушка-онъ указалъ на аппаратъ,вполнъ безобидное орудіе. Это генераторъ сильнъйшаго магнитнаго тока. Всъ считали, что подобную вещь сдълать невозможно, но я добился успъха и при томъ создаль легкій, негромоздкій приберъ, вполнъ пригодный для установки на дирижаблъ. Тъмъ не менъе, онъ достаточно могучъ для моихъ цълей. Смотрите. Когда я поварачиваю рычажокъ, все стальное, находящееся въ радіусъ магнитнаго поля, намагничивается; все стальное, что соприкасается между собой-стальные предметы прилипають другь къ другу съ такой силой, что только сильнъйшій взрывъ можеть разъединить ихъ.
 - Итакъ...
- Если я направлю магнитный потокъ на эти суда, всв поршни ихъ машипъ прилипнутъ къ цилиндрамъ; турбины перестануть работать; суда остановятся. Что же касается до орудій, то команда окажется не въ силахъ открыть ихъ затворовъ.

Боже великій?..—задыхаясь, про-

пзнесъ Карнеби.

— Повернуть рычагь! - бросиль при-

казаніе Грейстонъ.

Гуденіе страннаго прибора резко оборвалось, утонувъ въ короткомъ произительномъ звукъ. Платформа дирижабля внезапно наклонилась; какъ корабль въ бурю. Карнеби упалъ. Грейстонъ, покачиваясь, отбъжалъ къ боковымъ периламъ.

 Боже, посмотрите, — произнесъ Карнеби, глядя черезъ бортъ.

Самыя переднія изъ огромныхь боевыхъ судовъ внезапно замедлили ходъ; машины остановились. Инерція происсла суда немного впередъ, потомъ всѣ они одновременно повернулись, точно стрълки нъсколькихъ компасовъ, и замерли, указывая на съверъ и югъ.

Суда, бывшія позади, попали въ токъ немного позже, и съ мгновение казалось, что они налетять на стоявшія спереди, такъ какъ ихъ рулевые аппараты перестали действовать. Смотревшій въ бинокль Карнеби видѣлъ, какъ матросы вывъшивали маты за борты судовъ. Паръ окружалъ военные корабли, потому что служащіе въ машинныхъ отдъленіяхъ открыли мъдные предохранительные клапаны, едва ли не единственныя части машинъ, оставшіяся подвижными.

Такъ или иначе, опасныхъ столкновеній не произошло, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ весь флотъ безпомощно подпрыгиваль на волнахъ; бугшрить каждаго судна смотрель на северъ.

Больше: сила взаимнаго притяженія этихъ громадныхъ плавающихъ тълъ усилилась въ тысячу разъ, потому что каждое изъ крупныхъ судовъ превратилось въ исполинскій магнитъ. Они начали сближаться и скоро сбились въ одну толну, точно испуганныя овцы.

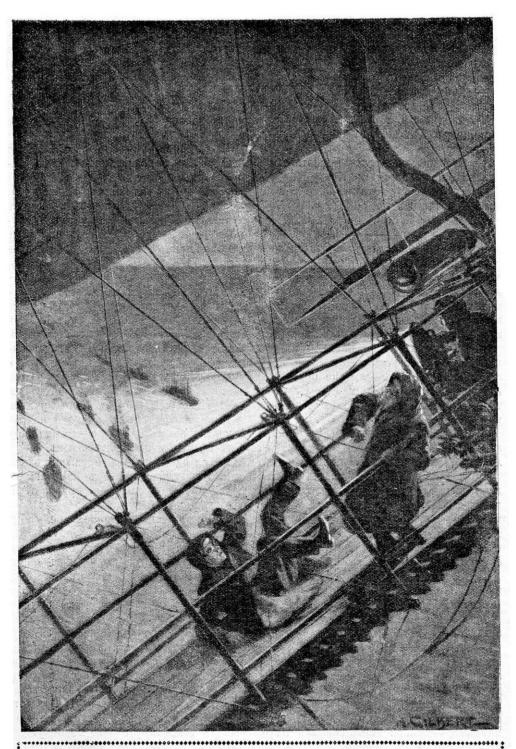
Карнеби увидѣлъ, что экипажи многихъ судовъ старались направить свои пушки для аэроплановъ на дирижабль "Примъ". Но подъемные винты были накръпко зажаты, и казенныя части орудій не открывались.

Весь великольный флоть сталь безпомощенъ, какъ дътская игрушка.

— Долго ли они простоять такъ?—

спросилъ Карнеби.

 Сутки, — отвътилъ Грейстонъ. Въ течение этого времени я успъю заставить опомниться оба правительства. Вы можете замътить, что радіусь электро-магнитнаго поля — двѣнадцать миль внизъ и по діагонали. Я устроилъ

дьло такъ, чтобы оно не распространялось вверхъ или по горизонтальному направленію; въ противномъ случаѣ, весь мой механизмъ тоже замеръ бы.

— Денеша отъ "Секунда", сэрь, — сказалъ телеграфистъ и прочиталъ: — "Германскій флотъ намагниченъ и безномощенъ. Двигаюсь къ германской границъ".

— Хорошо, — отвѣтилъ Грейстонъ и,

сіяющій, повернулся къ Карнеби.

Теперь мы улетимъ, прибавилъ онъ, и такимъ же образомъ поступимъ съ объими арміями.

Дирижабль понесся съ быстротой, поразившей Карпеби. Черезъ два часа авіаторы уже были надъ фрапко-германской границей, близъ Лилля. Развъдочные аэропланы двухъ враждующихъ армій носились въ воздухъ, точно исполинскія стрекозы.

— Если только они не двинутся на насъ или не станутъ кидать бомбъ, — сказалъ Грейстопъ—мы не обратимъ на нихъ пикакого вниманія. Опуститесь, —приказаль онъ пилоту; —увидимъ, что дъластся внизу.

Когда дирижабль приблизился къ землъ, Карнеби услыхалъ громъ артиллеріи и сухой трескъ ружейнаго огня.

Какъ разъ подъ воздушнымъ кораблемъ видиълись ряды французской пъхоты, занимавшей длинную цъпь холмовъ. Французы усиленно стръляли вътакіе же ряды германцевъ, занимавшихъ высокую гряду, шаговъ на тысячу отъ пихъ.

Сзади подходили подкрыпленія; дальше виднылись темныя массы резервовъ. Время отъ времени вспышки и клубы дыма обозначали положеніе артиллеріи

арьергарда.

— Гдъже можеть быть "Секундъ"?— спросиль Грейстонь, и въ его голосъ прозвучаль непривычный оттънокъ раз-

драженія.

— Я не вижу его... Кажется... Да, да, вонь онь! Какъ разъ надъ германцами, — съ волненіемъ сказалъ Карнеби, который въ бинокль осматривалъ каждый уголокъ земли и неба.

— Хорошо. Телеграфисть, скажите, чтобы "Секунтъ" дъйствовалъ. У насъ пътъ времени на въжливыя депеши; дъло и безъ того зашло слишкомъ далеко. Ну-съ!

Новый визгливый звукъ, новый толчокъ, однако, на этотъ разъ сидъвшіе

въ "вагонъ" приготовились.

И Карпеби увидълъ внизу нъчто еще болье поразительное, чъмъ на-

магшичиваніе флота.

Точно подъ вліяніемъ воліпебства, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и ревъ пушекъ замолкли. Когда затворы орудій и ружей отошли назадъ, они такъ прилъпились, что никакія силы не могли сдвинуть ихъ съ мѣста для слѣдующаго выстрѣла.

Дирижабль висълъ не настолько низко надъ землей, чтобы Карнеби могъ разглядъть изумленное выраженіе лицъ французовъ, но самыя ихъ позы говорили, до чего они поражены удивлепіемъ и ужасомъ. Молодой журналистъ видълъ, какъ офицеры приказывали своимъ солдатамъ открыть огонь, и какъ тъ возражали, указывая на ружья.

Конный офицеръ промчался по рядамъ и знакомъ велълъ солдатамъ подняться, чтобы наставить штыки.

Но ни одинь штыкъ не вышель изт своего футляра. Офицеръ самъ постарался обнажить саблю, по оружіе отказалось повиноваться ему.

Необыкновенное, непопятное событіе лишило солдать мужества. Они стояли въ неръшительности. Конный офицеръ силился оторвать ножны сабли отъ желъзнаго стремени, къ которому они пристали. Напрасно! Его поза, полная изумленія и отчаянія, была комична.

Между тъмъ Грейстонъ посылаль одну безпроволочную денешу за другой; онъ летъли въ главную квартиру дъйствующей арміи и къ военному министру въ Парижъ. Старикъ то просилъ, то приказывалъ в енному начальству немедленно отозвать войска. А съ другой стороны границы Торпъ предписывалъ такія же условія Берлину.

Скоро затрещали безпроволочные телографы, посылавшие депеши изъ Па-

рижа въ Берлинъ п обратно, и отъ военныхъ министровъ объихъ странъ къ ихъ генералиссимусамъ. А дирижабли высились надъ молчащими армілми, готовые излить на нихъ новый нарализующій токъ или пронестись надъ Парижемъ и Берлиномъ и заставить въ столицахъ Франціи и Германіи слипнуться между собою всъ кусочки стальныхъ механизмовъ.

Такъ прошель день; наконецъ, къ французской линіи подскакаль ординарецъ. Послъдовало короткое приказаніе. Солдаты забросили свои безполезныя ружья на спину, повернулись и двинулись обратно. На этотъ разъ, противъ обыкновенія не звучало ни пъсенъ, ни веселой болтовни.

Огъ удивленія солдаты не могли выговорить ни слова.

Карнеби видаль исчезнувшія плоскія фуражки германцевь, которые мрачно уходили, также въ полномъ безмолвіи.

Сидя на своемъ мьсть въ высоть, Грейстонъ сіялъ: Франція и Германія, пораженныя пеобыкновенной силой, которая упала на нихъ съ пеба, боялись, что это новое изумительное оружіе

причинить опустошения. Внутренно негодуя, но чувствуя себя совершение безсильными, объ страны при помощи безпроволочнаго телеграфа объявили, что онъ согласны прибъгнуть къ третейскому суду. Грейстонъ остановиль войну.

Карнеби диктоваль оператору безпроволочного телеграфа длинную корреспонденцію въ газету "Депеша". Принявъ его сообщеніе, редакторъ иностраннаго отдъла вскочиль съ мъста и сталь бъгать по комнатъ, повторяя, какъ безумный:

— Боже мой, Карнеби! Карнеби! Этотъ человъкъ достоинъ получить титуль пэра!.

"Депеша" разошлась въ невъроятно большомъ количествъ экземпляровъ! Ни одна газета никогда не добивалась такой большой розничной продажи. Только въ вечернемъ выпускъ "Депеши" появился полный и подробный отчетъ о томъ, какъ была прекращена война. Имя Карнеби получило громкую извъстность.

Онъ заслужилъ все: славу и повышеніе гонорара, которое дало ему возможность жениться на Еленъ.

